

Litera

Правильная ссылка на статью:

Сунь В. Отражение авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии в ранней прозе Н. В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина: типологический аспект описания // Litera. 2025. № 2. DOI: 10.25136/2409-8698.2025.2.73479 EDN: JRHHZQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73479

Отражение авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии в ранней прозе Н. В. Гоголя и новеллах Пу Сунлина: типологический аспект описания

Сунь Вэньцзюнь

ORCID: 0000-0003-1903-2224

аспирант, кафедра истории русской литературы; Московский государственный университет им. МВ. Ломоносова

119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские Горы, 1

✉ sunventszyun@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.25136/2409-8698.2025.2.73479

EDN:

JRHHZQ

Дата направления статьи в редакцию:

19-02-2025

Дата публикации:

26-02-2025

Аннотация: Данная статья посвящена типологическому анализу отражения авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии в ранней прозе русского писателя Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» и классическом произведении китайской словесности новеллиста Пу Сунлина «Рассказы Ляо Чжэя о необычайном». В статье основное внимание уделено моральным и религиозным исканиям обоих авторов, а также художественным функциям их религиозно-этических убеждений в раннем фантастическом цикле повестей Гоголя и сборнике рассказов Пу Сунлина. В ходе анализа выявлены общие черты и принципиальные различия в их художественных мирах, обусловленные культурными и религиозными традициями. В

исследовании представлен историко-теоретический обзор методологии типологического анализа литературных текстов, раскрывающий динамику развития понятия «типологической связи» в сравнительном литературоведении. Данный подход применяется для изучения влияния православных концепций на раннее творчество Н. В. Гоголя и буддийских и даосских идей на творчество Пу Сунлина. В статье делается вывод о том, что изучение отражения авторских религиозных взглядов в изображении фантастических образов и народной демонологии в ранней прозе Н. В. Гоголя и рассказах Пу Сунлина возможно в рамках типологического подхода. Религиозные воззрения рассматриваемых писателей сформировались под влиянием их семейного и социального окружения. В отличие от линейной православной модели дихотомии добра и зла у Гоголя, потусторонний мир у Пу Сунлина, вдохновленный даосской концепцией «бессмертия души» и буддийским «круговым» способом мышления о карме и реинкарнации, отличается амбивалентностью. Кроме того, религиозные концепции определяют различия в изображении inferнальных персонажей: у Гоголя они предстают как антагонисты и искушители, а у Пу Сунлина выполняют функции помощников и утешителей.

Ключевые слова:

Фантастические образы, народная демонология, Н. В. Гоголь, Пу Сунлин, православие, буддизм, даосизм, типологический анализ, русская литература, китайская литература

Введение

Исследование творчества классиков русской и китайской литературы Н. В. Гоголя (1809–1852) и Пу Сунлина (1640–1715) имеет давнюю традицию в российской и китайской науке. Изучение их творчества возможно через призму типологического анализа, учитывающего их принадлежность к различным эпохам, религиям и культурам.

На основе анализа работ русских и зарубежных исследователей в области типологического изучения литературы можно проследить динамику интерпретации типологических связей в науке. Классический подход, сформированный в рамках позитивизма, предполагал изучение текстов, объединенных общими или схожими историческими условиями (А. Н. Веселовский [\[2\]](#), Х. М. Познетт [\[15\]](#) и др.). Однако с середины XX века, в период кризиса идентичности компаративистики, акцент сместился с исключительно генетических связей на установление типологических сближений (И. О. Шайтанов [\[13\]](#), Р. Уэллек [\[16\]](#) и т. д.). В новейшее время утвердилось представление о познавательной активности исследователя, который, опираясь на логику, эрудицию и методологическую строгость, способен осуществлять рациональное и научно обоснованное сопоставление текстов, принадлежащих к различным культурным традициям (Э. Ауэрбах [\[1\]](#), Д. Дэмрош [\[14\]](#) и т. п.). Современный подход позволяет сделать вывод о том, что анализ типологических связей выходит за рамки социального контекста и включает в себя глубокое изучение поэтики отдельных авторов, расширяя горизонты интерпретации и понимания литературных явлений.

Гоголь и Пу Сунлин в своем творчестве активно использовали фольклорные и литературные материалы, были увлечены фантастикой и народной демонологией, что дает основание для типологического анализа их произведений. Схожие литературные герои (демоны, призраки, бесы в человеческом облике) и сюжеты (приключение главного протагониста в потустороннем мире в ночное время), отражающие

нравственные и религиозные искания авторов, придают уникальность и своеобразие каждому из писателей.

Основная часть

Истоки религиозных взглядов Пу Сунлина и Н. В. Гоголя

Пу Сунлин и Н. В. Гоголь создавали свои произведения, используя яркие фантастические сюжеты с дьявольскими персонажами. Однако анализ новелл Пу Сунлина и ранних рассказов Н. В. Гоголя позволяет отметить разные подходы китайского и русского писателя к решению конфликта между добром и злом.

В середине 1820-х годов с возрастающим интересом к фантастике, мистике, готике, а также к элементам страшного и завораживающего в русской прозе появляется необычный жанр, получивший название «фантастическая повесть» [9: 5–47]. Н. В. Гоголь в первые годы творчества был увлечён романтической демонологией, особенно это отражается в его книге «Вечера на хуторе близ Диканьки», где писатель опирается на христианскую модель «линейного» мышления с началом и концом (спасение души в раю или ее сошествие в ад), чтобы создать разные художественные миры, в которых гармонично сочетаются реальность и ирреальность, хотя судьбы главных героев не всегда вписываются в данную концепцию. Отметим, что в дальнейшей творческой жизни писатель переходит от открытой и яркой демонологии, воплощенной в мистических и фантастических образах, к скрытой и подтекстовой. Такая эволюция явно ощутима в «Мертвых душах». В его произведениях присутствует вечная борьба добра и зла, в которой хорошо представлены Божественная благодать, Божье спасение души и Страшный суд.

Создание произведения «Рассказы Ляо Чжая» тесно связано с религиозными установками Пу Сунлина. В своем творчестве китайский писатель заимствует концепцию «бессмертия души» из даосизма и «круговой» способ мышления о концепции «карма и реинкарнация» из буддизма. Наделяя дьявола человеческим обликом, он совмещает фантастику и действительность, разграничивая при этом царство людей и призраков. Пу Сунлин критикует тьму в реальном обществе и формирует идеальный утопический мир в своем воображении.

Истоки формирования его религиозных взглядов многоаспектны и включают как семейные факторы, так и социально-исторические. Семейная история Пу Сунлина такова: автор в предисловии к новеллам рассказывает, что однажды его отец увидел во сне, как в дом вошел больной и худой монах с обнаженным правым плечом. К его правой груди прилип кусочек мази размером с медную монету. Отец проснулся, и в тот самый момент родился будущий писатель, а на его груди была черная родинка. Отец решает, что сын – реинкарнация того самого монаха-аскета [См. 11: 15–16]. Исторические предпосылки обусловлены тем, что писатель эпохи династии Цин существовал в условиях строго регламентированной чиновничьей системы феодального Китая, которая поощряла рациональное восприятие действительности, одновременно взаимодействуя с традиционными китайскими религиозно-философскими представлениями. В данной среде широко распространились верования в магов и шаманов, способных влиять на души и живущих, и мертвецов; вера в бессмертных святых и таинственные обители, в которых они искали уединения в этом мире.

В записках «Ляо Чжая» содержится обширный корпус фольклорных и волшебных историй, где отчетливо просматривается влияние буддийской и даосской философии и народных суеверий (почти две трети рассказов посвящены этой тематике). Отношение Пу

Сунлина к религии и народным верованиям очень полемическое. С одной стороны, писатель изображает целую галерею персонажей-монахов, но в некоторых его рассказах из «Ляо Чжая» эти герои не имеют ничего общего с высокими качествами, такими как праведность и святость. Он иронически относится к божествам из любого пантеона (буддийского, конфуцианского или даосского), потому что они больше похожи на обирал и азартных игроков. Их волшебство из загробного мира – лишь способ помогать земным людям предсказывать будущее или продвигаться по карьерной лестнице, получая официальные должности. Убедительными примерами вышесказанного являются рассказы «Колдовство хэшана» («僧术») и «Дракон дразнит паука» («龙戏蛛»). В первом случае студент может использовать сверхъестественную силу монаха, чтобы купить себе должность; а во втором в постскрипуме к этому рассказу есть такие слова: «Не слишком ли бестолков небесный владыка! За что такой хороший чиновник, честный и любящий народ, подвергается такой трагической катастрофе» [17: 1957]. С другой стороны, Пу Сунлин в конце рассказов постоянно цитирует слова именитых монахов, которые служат для просвещения народа. Например, в послесловии к новелле «Расписная стена» («画壁») он пишет: «Чудесное рождается от самих же людей!» В этих словах, пожалуй, есть глубочайшая правда. <...> Буддийской мудростью окрепло сердце старого монаха» [10: 143]. Можно сделать вывод, что господин Ляо Чжай более убежден в том, что люди создают свое впечатление о богах, исходя из собственного характера, поэтому боги глупца и философа будут выглядеть по-разному. Автор выражает свое глубокое желание видеть на земле, а не в небесном царстве честных и порядочных людей. Насмешки Пу Сунлина несколько подрывают веру в культ святых и подземную жизнь, опровергая суеверия о богах, но не критикуя саму идею бога.

На формирование духовного мировоззрения Н. В. Гоголя также значительно повлияли семейные традиции. Как пишет В. А. Воропаев, «среди предков Гоголя были люди духовного звания: прадед его по отцовской линии был священником, дед закончил Киевскую Духовную академию, а отец – Полтавскую семинарию. <...> Семейные предания определили первые понятия и верования Гоголя. <...> Мария Ивановна отличалась набожностью» [6: 9–11]. Хотя по словам самого писателя, его духовные чувства возникли не из искренней любви к Богу или жажды истины, а, скорее, из стихийного страха перед смертью, идеи возмездия и Страшного Суда. Со временем писатель установил «близкие» отношения с Богом и постоянно молился. В письме к матери Гоголь писал: «Старайтесь лучше видеть во мне христианина и человека, чем литератора» [6: 415]. Социально-литературный контекст деятельности Гоголя также выглядит иначе: его мотивы обращаются к жанровой фантастике, к фольклорной демонологии, что во многом определялось литературной ситуацией того времени: романтическим историзмом, интересом к народной культуре и поэзии, национальному характеру, языку, который в России 1820–1830-х годов был связан с распространением немецкого романтизма. Малороссийские мотивы часто встречаются в творчестве русских писателей (В. Т. Нарезного, К. Ф. Рылеева, О. М. Сомова). Произведения раннего Н. В. Гоголя (в том числе «Вечера на хуторе близ Диканьки» и «Миргород») отмечены глубоким влиянием фольклора и создавались на фоне романтического увлечения начинающим писателем национальной экзотикой. В своем первом цикле повестей Гоголь объединяет фольклорное, навеянное малороссийскими сказками с их дуализмом и борьбой Бога и дьявола, и литературное (в частности, немецкую романтическую демонологию Л. Тика и Э. Т. А. Гофмана), стремясь к стилистическому единству.

Специфика авторского религиозного мышления

в «Рассказах...» Пу Сунлина и «Вечерах...» Н. В. Гоголя

В ляочжаевских рассказах прослеживается круговая модель мышления, восходящая к архаическому символу «Мандала» («круг», «кольцо») [12: 332–333], который по теории В. Н. Топорова, является ключевым сакральным элементом буддийской мифологии. Этот символ, возникший в Индии, был усвоен буддизмом и распространился в культурах Тибета, Центральной Азии, Монголии, Китая и Японии начиная с первых веков нашей эры. Этот символический образ также переплетается с понятиями «трех перерождений», «кармы» и других аспектов буддийской космологии, отражая мудрость и глубину древних духовных учений. Например, в рассказе «Трое бессмертных» («三生») изображена история конфликта между экзаменатором из провинции Хунань и студентом Син Ю Таном, чья вражда, обусловленная экзаменационным провалом, переходит через три перевоплощения. В первой жизни студент Син, не сдав экзамен из-за некомпетентности экзаменатора, умирает от отчаяния; во второй жизни экзаменатор, переродившись крестьянином, казнен по решению суда, где судьей выступает студент Син. После жалоб на несправедливость оба перерождаются собаками, убивая друг друга в схватке. В третьей жизни, став тестем и зятем по воле Владыки подземного мира, они примиряются, когда тесть помогает зятю стать чиновником, что символизирует разрешение кармического конфликта. Таким образом, под пером Пу Сунлина души главных героев обладают бессмертием и проходят через циклы перевоплощений. Если первые два уровня фантастического мира, созданного автором, наполнены критикой социальной несправедливости и пороков реальности, то третий мир воплощает идеальную гармонию, представляя собой утопическое пространство, где разрешаются все противоречия и достигается высшая справедливость.

В начале XX века проблематика православного мирозерцания в раннем творчестве Гоголя стала предметом серьезного изучения, а в современном гоголеведении духовно-нравственные аспекты его произведений продолжают активно исследоваться такими учеными, как И. А. Виноградов [3], В. А. Воропаев [4], С. А. Гончаров [7] и В. Ш. Кривонос [8]. Изучение религиозного мировоззрения Гоголя отражает эволюцию подходов, демонстрируя значимость христианской культуры на всех этапах его литературного пути. Если ранее христианская идеология рассматривалась преимущественно в контексте позднего периода творчества, особенно в связи с произведением «Выбранные места из переписки с друзьями», где религиозная проблематика выражена наиболее явно, то в последние годы исследователи всё чаще обращают внимание на значимость церковной культуры уже в ранних произведениях Гоголя 1830-х годов. Как отмечает С. А. Гончаров, «христианская культура стала рассматриваться как необходимый контекст не только для позднего, но и для зрелого и даже раннего творчества писателя, что существенно изменило представления о динамике его творческого развития» [7: 4]. Аналогичную точку зрения поддерживает И. А. Виноградов, подчеркивая, что «понимание ранней гоголевской прозы невозможно без учета последующего духовного и творческого пути писателя» [3: 10–11]. Кроме того, как указывает В. А. Воропаев, «в ранних произведениях Гоголя отчетливо прослеживается вечное противостояние добра и зла, что придает этим текстам глубокий религиозный подтекст. Эти произведения, несмотря на их фольклорную и юмористическую основу, представляют собой своеобразные религиозные поучения, где добро неизменно побеждает зло, а грешники получают заслуженное наказание» [4: 28–29].

Анализ художественной функции фантастики и славянской демонологии в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» позволяет выявить уникальный «линейный» способ мышления Гоголя, сформированный под влиянием библейского мировоззрения, что контрастирует с «круговой» моделью мышления Пу Сунлина, обусловленной буддийскими и даосскими

концепциями. В соответствии с библейской традицией Гоголь изображает вселенную как линейный процесс, начинающийся с сотворения мира и завершающийся Страшным судом, где каждая душа предстает перед судом (Евр. 9:27). Почти каждая повесть, вошедшая в «Вечера ...», затрагивает тему борьбы света и тьмы, невидимой войны между Богом и дьяволом за души людей. Например, в повести «Ночь перед Рождеством» обнаруживаются параллели с библейскими мотивами, такими как мотив возмездия за грехи, мотив апокалипсиса, мотив спасения человеческой души и др. Во-первых, действие разворачивается во время сакрального праздника Рождества Христова с теплыми рождественскими колядками. Для нечистой силы уже «последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу» [5: 150]. В линейном узоре от начала до конца прослеживается духовная дихотомия между противоборствующими силами – «древнем змеем» (Отк. 20:2) – сатаной и «потомком женщины» (Быт. 3:15) – Иисусом Христом. Набожный кузнец Вакула может противостоять темной силе именно с помощью молитвы и написания иконы. В «Страшной мести» линейная модель представлена через изображение смерти казаков Ивана и Петра, а также их божественное осуждение, в то время как нераскаявшиеся грешники подвергаются изгнанию из Царства Небесного: «Как умер Петро, призвал Бог души обоих братьев, Петра и Ивана, на суд. "Великой есть грешник сей человек!" – сказал Бог. <...> "Сделай же, Боже, так, чтобы все потомство его не имело на земле счастья! чтобы последний в роде был такой злодей, какого еще и не бывало на свете!" <...> "Страшна казнь, тобою выдуманная, человече! – сказал Бог. – Пусть будет все так, как ты сказал, но и ты сиди вечно там на коне своем, и не будет тебе царствия небесного"» [5: 216]. Кроме того, линейная модель проявляется через божественное возмездие за грехи, где нераскаявшиеся грешники, такие как колдун, обречены на вечное проклятие, что подчеркивает идею окончательности суда и невозможности спасения вне Божьей милости. Таким образом, Гоголь через библейские мотивы возмездия, апокалипсиса и спасения раскрывает духовную дихотомию, характерную для христианского мировоззрения.

Особенности взаимодействия героев реальных и ирреальных

в произведениях Н. В. Гоголя и Пу Сунлина

Различные религиозные модели мышления существенно влияют на характер взаимодействия главных героев с демоническими образами. Если в гоголевской Диканьке, потусторонние существа обычно выступают в роли искушителей и антагонистов, противостоящих человеку, то в произведениях китайского писателя они зачастую выполняют функции помощников и утешителей, что отражает принципиально иное восприятие сверхъестественного, характерное для буддийских и даосских традиций. Например, в повести «Вечер накануне Ивана Купала» дьявол-искушитель, воплощенный в «человеческом образе» [5: 101] Басаврюка, олицетворяет темные силы, противостоящие божественному порядку. Он искушает главного героя Петруся на совершение тяжкого греха – убийство невинного Ивася, младшего брата его возлюбленной Пидорки. В данном случае демонический персонаж выступает как активный участник духовного противостояния, используя человеческие слабости и страсти, чтобы привести главного героя к моральному падению и гибели. Напротив, образ лисиц становится центром системы персонажей многих историй «Ляо Чжая». Например, в рассказе «Студент Го и его учитель» («郭生») повествуется о студенте по фамилии Го, который встречает своего учителя в образе лисицы-призрака. Лисица оказывала студенту Го помощь в редактировании его статей, пока он спал ночью.

Благодаря этому его навыки письма постепенно совершенствовались. Этот эпизод иллюстрирует, что сверхъестественные существа в произведениях Пу Сунлина часто выступают в роли помощников, способствующих интеллектуальному и духовному росту человека.

Заключение

Таким образом, изучение отражения религиозных взглядов Н. В. Гоголя и Пу Сунлина в изображении фантастических образов и народной демонологии в ранней прозе великого русского писателя и рассказах выдающегося китайского новеллиста возможно в рамках типологического подхода. Пу Сунлин принимает из даосизма идею «бессмертия души» и понятия «кармы и реинкарнации» из буддизма («круговое» мышление), наделяет дьявола человеческим обликом, совмещает фантастику и реальность, разграничивая царство людей и призраков, бичует пороки общества и строит утопический мир в своих текстах. Гоголь же, опираясь на христианскую модель эсхатологического «линейного» мышления, создает художественные миры, в которых гармонично сочетается реальное и фантастическое. Судьба его героев отражает вечную борьбу добра и зла, которая ведет к Страшному суду, спасению или гибели души.

Библиография

1. Ауэрбах Э. Филология мировой литературы // Вопросы литературы. 2004. № 5. С. 123–139.
2. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л.: Худож. лит., 1940. 649 с.
3. Виноградов И. А. Гоголь художник и мыслитель: Христианские основы мирозерцания. М.: Наследие, 2000. 450 с.
4. Воропаев В. А. Николай Гоголь: Опыт духовной биографии. 2-е изд. М.: Паломник, 2014. 336 с.
5. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. Т.1. М.: Наука, ИМЛИ РАН, 2003. 922 с.
6. Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. Т. 12. М.: Изд-во Московской Патриархии, 2009. 698 с.
7. Гончаров С. А. Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1997. 340 с.
8. Кривонос В. Ш. Мотивы художественной прозы Гоголя. СПб.: ЕГПИ, 1999. 251 с.
9. Маркович В. М. Дыхание фантазии // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.): Сб. произведений. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. С. 5–47.
10. Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжэя о необычайном. М.: Худож. лит., 1988. 559 с.
11. Пу Сунлин. Странные истории из Кабинета Неудачника (Ляо Чжэя Чжи И). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2000. 784 с.
12. Топоров В. Н. Мандала // Мифологический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 332–333.
13. Шайтанов И. О. Зачем сравнивать? Компаративистика и / или поэтика // Филологическая регионалистика. 2009. № 1–2. С. 99–107.
14. Damrosch D. Comparing the Literatures: Literary Studies in a Global Age. Princeton: Princeton University Press, 2020. 392 p. (На англ. яз.).
15. Posnett H. M. Comparative Literature. London: Kegan Paul, Trench, & Co., 1886. 472 p. (На англ. яз.).
16. Wellek R. The Concepts of Criticism. New Haven; London: Yale University Press, 1976. 402 p. (На англ. яз.).
17. 蒲松龄. 聊斋志异 / 刘天池注. 孙海通, 刘天池译 (一至四). 北京, 中华书局. 2015. [Пу Сунлин. Ляо Чжэя Чжи И / Комментарии Лю Тяньчи, перевод Сунь Хайтуна и Лю Тяньчи). Пекин:

Чжунхуа шуцзюй, 2015. Т. 1–4.] (На кит. яз.).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена типологическому анализу ранней прозы Н. В. Гоголя и новелл Пу Сунлина с точки зрения отражения авторских религиозных взглядов в фантастических образах и народной демонологии. Отмечается, что «Гоголь и Пу Сунлин в своем творчестве активно использовали фольклорные и литературные материалы, были увлечены фантастикой и народной демонологией, что дает основание для типологического анализа их произведений». Актуальность работы обусловлена интересом исследователей к творчеству классиков русской и китайской литературы Н. В. Гоголя (1809–1852) и Пу Сунлина (1640–1715), принимая во внимание, что «схожие литературные герои (демоны, призраки, бесы в человеческом облике) и сюжеты (приключение главного протагониста в потустороннем мире в ночное время), отражающие нравственные и религиозные искания авторов, придают уникальность и своеобразие каждому из писателей».

Теоретической основой представленного исследования обоснованно выступили труды по исторической поэтике, проблемам компаративистики, по творчеству Гоголя (в том числе в религиозно-мистическом контексте) таких отечественных и зарубежных ученых, как Э. Ауэрбах, А. Н. Веселовский, И. А. Виноградов, В. А. Воропаев, С. А. Гончаров, В. Ш. Кривonos, И. О. Шайтанов, D. Damrosch, Н. М. Posnett, R. Wellek. Библиография включает 17 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако необходимо отметить, что автор(ы) совсем не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе. Также автору(ам) следует изучить требования редакции в части оформления ссылок на библиографический список («ссылки приводятся в квадратных скобках в тексте и оформляются по следующему образцу: [4, с. 121]»).

Методология исследования определена поставленной целью и задачами, носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; общелингвистические методы наблюдения и описания, методы дискурсивного и когнитивного анализа, а также сравнительно-типологический анализ, который позволяет обнаружить общность явлений, которые типологически сходны, но не родственны; их сходство возникло в результате совпадения ряда условий («Пу Сунлин и Н. В. Гоголь создавали свои произведения, используя яркие фантастические сюжеты с дьявольскими персонажами. Однако анализ новелл Пу Сунлин и ранних рассказов Н. В. Гоголя позволяет отметить разные подходы китайского и русского писателя к решению конфликта между добром и злом»).

В ходе исследования подробно анализируются истоки религиозных взглядов Пу Сунлина и Н. В. Гоголя, специфика авторского религиозного мышления и особенности взаимодействия реальных и ирреальных героев в произведениях Н. В. Гоголя и Пу Сунлина. В рамках типологического подхода установлено, что «Пу Сунлин принимает из даосизма идею «бессмертия души» и понятия «кармы и реинкарнации» из буддизма, наделяет дьявола человеческим обликом, совмещает фантастику и реальность, разграничивая царство людей и призраков, бичует пороки общества и строит

утопический мир в своих текстах. Гоголь же, опираясь на христианскую модель эсхатологического «линейного» мышления, создает художественные миры, в которых гармонично сочетается реальное и фантастическое. Судьба его героев отражает вечную борьбу добра и зла, которая ведет к Страшному суду, спасению или гибели души».

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в изучение творчества Н. В. Гоголя и Пу Сунлина посредством сравнительно-типологического анализа, учитывающего их принадлежность к различным эпохам, религиям и культурам.

Практическая значимость работы состоит в возможности использовать ее результаты в курсах по общей теории литературы, по русской и китайской литературе и др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет законченный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».